

УДК 821.161.1 – 144

А.В. Волошко

МОТИВ ВСТРЕЧИ С МИСТИЧЕСКИМИ ПЕРСОНАЖАМИ В БАЛЛАДАХ В.А. ЖУКОВСКОГО

Одной из актуальных проблем современного жуковсковедения является изучение идейно-эстетической и творческой эволюции поэта. В работах И.А. Айзиковой, Д.В. Долгушина, Ф.З. Кануновой, А.С. Янушкевича и других исследователей анализируются характерные этапы, особенности мировоззрения и художественной системы В.А. Жуковского.

Одним из наиболее важных аспектов мировоззрения поэта является духовный, религиозный. В книге «Нравственно-эстетические

А.В. Волошко, 2014

искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.)» Ф.З. Канунова и И.А. Айзикова указывают, что в ранний период литературной деятельности В.А. Жуковский ещё не обрёл глубокой веры, религия волновала его в историко-культурном и нравственно-эстетическом аспектах. Восхождение поэта к подлинной вере, по мнению исследователей, происходит в 1830–1840-е годы. Оно связано с духовной эволюцией В.А. Жуковского и морально-философскими поисками времени [7, с. 6–7].

Изменения в мировоззрении поэта нашли отражение в его лирике. Мотивы, встречающиеся в его произведениях, написанных в разные периоды творчества, отличаются многообразием вариантов и выполняемых функций. Вопрос об особенностях функционирования религиозных и мистических мотивов в поэзии В.А. Жуковского, их взаимосвязи с идейно-эстетической и творческой эволюцией автора освещены недостаточно и требует более детального рассмотрения.

Целью данной статьи является анализ особенностей функционирования мотива встречи героя с мистическими персонажами в балладах В.А. Жуковского, написанных в разные периоды его творчества, а также выявление связи между вариантами данного мотива и идейно-эстетической, духовной эволюцией автора.

В.А. Жуковский создал 39 баллад, 23 из них были написаны в 1810–1820-е годы – период, который И.А. Айзикова и Ф.З. Канунова характеризуют как время нравственно-эстетических поисков поэта. В балладах этого периода категория мистического соотносится с категориями «чудесного», «фантастического», «исключительного» и отражает особенности романтической эстетики В.А. Жуковского. По мнению А.С. Янушкевича, появление «чудесного» в ранних балладах поэта помогает «заострить ситуацию, раскрыть характер в необычных, экстремальных положениях» [9, с. 87], придаёт повествованию эмоциональную насыщенность. Интерес романтической баллады к категории чудесного, а также к теме потустороннего, в произведениях В.А. Жуковского реализуется через мотив путешествия героя в загробный мир. Встреча с мистическим персонажем, как правило, служит отправной точкой пути грешной

души в ад, или праведной (раскаявшейся) – в рай. Мистический персонаж часто служит орудием возмездия или, наоборот, вознаграждения героя.

В балладах В.А. Жуковского мотив встречи с мистическим персонажем встречается в различных вариантах. В зависимости от особенностей мистического персонажа, можно выделить такие варианты: встреча с inferнальными существами (мертвецами, привидениями, нечистой силой во главе с Сатаной, Асмодеем), со святыми, с фольклорными персонажами (феями, русалкой, Лесным царём), с нейтральными мистическими персонажами (духами, душами, привидениями).

В письме А.С. Струдзе В.А. Жуковский, с присущим ему юмором, охарактеризовал себя как «поэтический дядько чертей и ведьм немецких и английских» [5, с. 664]. Во многих его балладах встречаются inferнальные мистические существа. Поэт изображает мир, населённый зловещими мертвецами, нечистью, призраками, окружёнными мрачным романтическим антуражем, в котором зачастую присутствует непогода, полночь, луна, ворон, крик совы, кладбище, бурная река и т. д. Вот, например, описание непогоды, предшествующее встрече героя баллады «Варвик» с призраком убитого им младенца:

Ужасный день: от молний небо блещет;
Отвсюду вихрей стон;
Дождь ливня льёт; волнами с воем плещет
Разлившийся Авон [4, с. 45].

Inferнальные мистические существа присутствуют в таких балладах, как «Людмила», «Светлана», «Адельстан», «Варвик», «12 спящих дев», «Замок Смальгольм» и других. Сюжеты этих произведений созданы по одной схеме: совершение главным героем греха – появление inferнального персонажа – возмездие. Например, в балладе «Людмила» грех героини заключается в проявлении непокорности Божьей воле, которая, по мнению девушки, разлучила её с женихом. Людмила предпочитает смерть земной жизни без возлюбленного:

Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе – всюду рай... [4, с. 9]

В полночь появляется мёртвый жених, который отвозит героиню к собственной могиле, где она присоединяется к нему. Таким образом, Людмила наказана за отсутствие смирения перед Божьей волей. Идея произведения выражена в песне хора усопших в финале баллады:

Смертных ропот безрассуден;
Царь Всевышний правосуден;
Твой услышал стон Творец;
Час твой бил, настал конец [4, с. 12].

Inferнальные образы в «Людмиле» и других балладах с подобной сюжетной схемой (совершение греха – появление inferнального персонажа – возмездие) выполняют одновременно несколько функций, связанных с религиозной, фольклорной, поэтической и психологической составляющей произведений. С помощью этих персонажей совершается кара за грехи, они являются проводниками в потусторонний мир, их присутствие подчёркивает исключительный характер ситуации, в которой лирические герои оказываются в момент наивысшего психологического напряжения и, наконец, их зловещий образ является частью мистического антуража произведений.

Отличается от других баллад с идентичной сюжетной схемой баллада «Светлана», которая имеет оптимистический финал: пережитый ужас оказался только страшным сном героини.

В балладах, написанных в 1810–20-е годы, присутствует мотив встречи героев с феями, русалкой, лесными духами. Он встречается в произведениях «Рыбак», «Гаральд», «Лесной царь» и иллюстрирует повышенный интерес В. А. Жуковского к фантастико-мистическому мировосприятию. Эти существа не являются добрыми или злыми, не карают и не вознаграждают героев. Во всех перечисленных произведениях автор повествует о том, как мистические существа увлекают человека в свой мир, который не похож на христианский ад или рай. Скорее, это сказочный мир, «волшебная сторона», где царят радость, сон, покой. Этот мир и сам похож на грёзу, которую Г. А. Жуковский сравнил с произвольным сном души, со «страшным сном, рассказанным проснувшимся человеком, стяхнувшим

кошмар» [2, с. 73]. Так, в балладе «Рыбак» красавица-русалка заманивает героя в воды реки, воспевая их прохладу и свежесть:

Не часто ль солнце образ свой
 Купает в лоне вод?
 Не свежей ли горит красой
 Его из них исход?
 Не с ними ли свод неба слит
 Прохладно-голубой?
 Не в лоно ль их тебя манит
 И лик твой молодой? [4, с. 135]

В произведении «Гаральд» феи усыпляют всех воинов, кроме их бесстрашного вождя, которого охраняет от чар «нетленный булат». Желая напиться из реки, Гаральд снимает шлем и погружается в вечный сон, который ничто не может прервать:

Когда ж гроза, и молний блеск,
 И лес ревет густой, –
 Сквозь сон хватается за меч
 Гаральд, боец седой [4, с. 82].

В переводе одноимённой баллады Гёте «Лесной царь» духи леса заманивают мальчика в свой мир обещаниями бирюзовых цветов, золотых чертогов, игр с дочерьми Лесного царя. Когда же эти посулы не действуют, они силой забирают душу ребёнка из земного мира.

В 1830–40-е годы происходит углубление религиозности В. А. Жуковского, что находит отражение в его творчестве. В 1830-е годы поэтом написано 16 баллад, в большинстве из них мистические мотивы приобретают религиозный подтекст, служат для того, чтобы показать христианское перерождение героев. Здесь мистика истолковывается в таком значении, на которое указывал С.Н. Булгаков: «Мистикой называется внутренний опыт, который даёт нам соприкосновение с духовным, Божественным миром» [1, с. 176].

В художественном плане в балладах, написанных в 1830-е годы, лиричность, сосредоточенность на внутреннем мире героя, психологизм, характерный для раннего творчества В.А. Жуковского, сменяются стремлением к объективизации жанра баллады, эпичности

осмысления действительности, повествовательности. В.М. Костин, анализируя обращение В.А. Жуковского к творчеству Р. Саути, подчёркивает, что в «Адельстане», «Варвике», «Старушке», переведённых в 1813-1814 годы, отразился интерес русского поэта к «фантастико-мистическому мировосприятию, пришедшему в баллады Саути из раннехристианских хроник и отчасти из народной поэзии» [8, с. 450], тогда как в произведениях, переведённых в последующие периоды, характер фантастики меняется вследствие объективизации баллады, усиления религиозно-дидактических элементов, формирования особого типа героя – «человека, через страдания или ошибки приходящего к высшей добродетели» [8, с. 451].

Обращение к образам inferнальных существ в балладах позднего периода творчества В.А. Жуковского становится редким. Помощь героям на пути к «высшей добродетели» и спасению души оказывают святые. В балладе «Королева Урака и пять мучеников» появление святых связано с мотивами пророчества и неизбежности рока. Пять чернецов, отправляясь в Коимбру, предсказывают свою мученическую смерть и гибель того из королевской четы, кто первый увидит их гробы. Королева Урака безуспешно пытается избежать своей судьбы. Святые угодники во главе со святым Франциском появляются перед духовником королевы и просят оповестить правителя о том, что пророчество исполнилось. Появление святых перед чернецом усиливает идейную, религиозную значимость произведения, его дидактизм, эмоциональность.

В балладе «Покаяние» появление святого чернеца формально является излишним для развития сюжета. Покаяние грешника, когда-то поджегшего часовню с венчающимися молодыми, отвергли в Риме. Возвратившись на родину, он становится отшельником и сподвижником, раскаивается в своих грехах. Одним вечером у входа в часовню грешник встречает чернеца, который наделён силой простить его. Чернец говорит о себе так:

Я здесь издалёка: был в той стороне,
 Где ведома участь земного;
 Здесь память загладить позволено мне
 Ужасного дела ночного [4, с. 196]

Во время исповеди в вечернем небе веют две лёгкие тени, которые взлетают всё выше и растворяются в небесах. Грешник умирает спасённый. Однако появление святого чернеца не мотивировано, его роль могли выполнить и души погибших влюблённых, и папа Римский, появляющийся в начале повествования. Как отмечает Р.В. Иезуитова, в балладе «фантастический сюжет не мотивируется, а берётся как данность. <...> Рационалистический подход разрушает форму баллады» [6, с. 90]. Мотив встречи героя со святым в этом произведении выполняет функцию усиления религиозной значимости баллады.

Последняя группа мистических существ в балладах В.А. Жуковского характеризуется отсутствием непосредственного влияния на судьбы героев. Например, в балладе «Алина и Альсим» тень Алины не карает мужа за убийство невинных, а только витает над ним с немим упрёком. В «Покаянии» души влюблённых, погубленного героем, появляются в момент искупления его преступления, но только как безмолвные символы прощения. Одним из наиболее интересных персонажей этого типа является призрак Ричарда Кольдингама в вольном переводе баллады Вальтера Скотта «Замок Смальгольм, или Иванов вечер». Призрак появляется в финале произведения для того, чтобы разоблачить своего убийцу, но не наказывает его. Мертвец оставляет след на столе и руке хозяйки замка, но только как символ, предупреждение о том, что за грех наступает неизбежная расплата на том свете. Сам Кольдингам уже расплатился за «беззаконную любовь» и осуждён на то, чтобы бродить призраком на пустынной скале возле маяка, о чём говорит своей возлюбленной так:

Выкупается кровью пролитая кровь, –
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь, –
Ты сама будь свидетель тому [4, с. 156].

Таким образом, эта группа мистических персонажей выполняет роль символов, знаков тех или иных мотивов, идей.

Итак, мистический мотивный комплекс реализуется в балладах А.В. Жуковского в виде различных вариантов мотива встречи с мистическими существами. Для баллад, написанных в 1810–20-е годы

характерны лиризм, психологизм, интерес к фантастике, мистическому, эстетике ужасного. В них преобладает вариант встречи с inferнальными существами. Этот мотив выполняет сюжетообразующую функцию, а также служит для усиления эмоциональности повествования, создания «предельных» условий для раскрытия психологии героя, создания романтического антуража. Как правило, идея, которую воплощает inferнальный персонаж – осуществление наказания за грех. В балладах этого периода также присутствует мотив встречи героев с фольклорными мистическими персонажами (феями, русалкой, лесными духами), с помощью которых герой попадает в волшебный, фантастический мир, похожий на мир сновидений.

В балладах, написанных в 1830-е годы – период усиления религиозности поэта – наблюдается переход от лиризма к эпическим, повествовательным формам, а также усиление религиозных и дидактических составляющих произведений. В этих произведениях реже встречаются inferнальные мистические существа, появляются образы святых, меняются функции, выполняемые мотивом в балладе. Сюжетная схема «грех – встреча с мистическим существом – наказание», характерная для ранних баллад, дополняется мотивами искушения, раскаяния, борьбы злых и добрых сил за душу героя, прощения, т.д.

Мотив встречи с мистическими существами связан со многими другими мистическими мотивами (например, пути в потусторонний мир, реализуемый через символы челна (ладьи, корабля), реки (озера, моря), пещеры, бездны (пучины), т.д.). Анализ этих связей требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви / С.Н. Булгаков. – К.: «Льбидь», 1991. – 235 с.
2. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики / Г.А. Гуковский. – М.: Художественная литература, 1965. – 364 с.
3. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма / Д.В. Долгушин. – М.: Рукописные памятники древней Руси, 2009. – 352 с.

4. Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. / В.А. Жуковский. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959–1960. – Т. 2: Баллады. Поэмы и повести. – 1959. – 487 с.

5. Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. / В.А. Жуковский. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959–1960. – Т. 4: Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. – 1960. – 783 с.

6. Иезуитова Р.В. Жуковский и его время / Р.В. Иезуитова. – Л.: Наука, 1989. – 289 с.

7. Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840-е гг.). / Ф.З. Канунова, И.А. Айзикова. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 304 с.

8. Костин В.М. В.А. Жуковский – читатель Р. Саути / В.М. Костин // Библиотека В.А. Жуковского в Томске. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – С. 450–476.

9. Янушкевич А.С. Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского / А.С. Янушкевич. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. – 280 с.

Анотація

О.В. Волошко. Мотив зустрічі з містичними персонажами у баладах В. А. Жуковського.

У статті досліджуються варіанти мотиву зустрічі героя з містичними персонажами у баладах В.А. Жуковського, які відносяться до різних періодів його творчості. Актуальність обраної теми обумовлена інтересом до християнської складової художніх текстів у сучасному літературознавстві, недостатнім рівнем вивчення релігійного дискурсу у творчості В.А. Жуковського, а також важливістю осмислення ролі релігійних та містичних мотивів у його баладах.

Предметом дослідження є 20 баллад В.А. Жуковського, у яких присутній мотив, що аналізується. Містичний мотивний комплекс реалізується у баладах поета у вигляді таких варіантів мотиву, що досліджується: зустріч із інфернальними істотами (покійниками, привидами, нечистою силою на чолі із Сатаною, Асмодеєм); із святыми; з фольклорними персонажами (феями, русалкою, Лісовим Царем); з нейтральними містичними персонажами (духами, душами, привидами).

У статті встановлюється зв'язок між змінами у світогляді письменника та варіантами мотиву зустрічі з містичними персонажами у його баладах.

Ключові слова: художня система, мотив, варіанти мотиву, функції мотиву, балада, сюжет.

Аннотация

А.В. Волошко. Мотив встречи с мистическими персонажами в баладах В.А. Жуковского.

В статье исследуются варианты мотива встречи героя с мистическими персонажами в баладах В.А. Жуковского, относящихся к разным периодам его творчества. Актуальность избранной темы обусловлена интересом к христианской составляющей художественных текстов в современном литературоведении, недостаточным уровнем изучения религиозного дискурса в творчестве В.А. Жуковского, а также важностью осмысления роли религиозных и мистических мотивов в его баладах.

Предметом исследования являются 20 баллад В.А. Жуковского, в которых присутствует анализируемый мотив. Мистический мотивный комплекс реализуется в баладах поэта в виде таких вариантов исследуемого мотива: встреча с инфернальными существами (мертвецами, привидениями, нечистой силой во главе с Сатаной, Асмодеем); со святыми; с фольклорными персонажами (феями, русалкой, Лесным Царём); с нейтральными мистическими персонажами (духами, душами, привидениями).

В статье устанавливается связь между изменениями в мировоззрении писателя и вариантами мотива встречи с мистическими персонажами в его баладах.

Ключевые слова: художественная система, мотив, варианты мотива, функции мотива, балада, сюжет.

Summary

A.V. Voloshko. The Motive of Meeting with Mystical Personages in the Ballads of V. Zhukovsky.

The article investigates variants of motive of a hero meeting with mystical personages in the ballads of V. Zhukovsky related to different periods of his creative work. Topicality of the chosen theme is conditioned by the interest to Christian component in the art texts of the modern literary criticism, insufficient study of religious discourse in the works of V. Zhukovsky, and the importance of understanding of the role of religious and mystical motives in his ballads.

The subject of this research is 20 ballads by V. Zhukovsky which include the analyzed motive. Mystical motivic complex realized in the ballads by the poet

such as meeting with infernal beings (undead, ghosts, evil spirits led by Satan, Asmodeus); with the saints; folkloric personages (fairies, mermaids, King of the Forest), with neutral mystical personages (spirits, souls, ghosts).

Relationship between changes in the worldview of the writer and variants of motive meeting with mystical personages in his ballads are determined in this article.

Key words: art system, motive, variants of motive, functions of motive, ballad, story.